

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ IV ВСЕРОССИЙСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» ПО ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА «КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ»

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ».

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru;

СОЛДАТОВА Алена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ».

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье дан обзор материалов IV Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права и государства.

Abstract: The article provides the overview of the materials of IV all-Russia Roundtable on overall theoretical law.

Ключевые слова: Конституция, право, правореализация, государственность.

Keywords: Constitution, law, realization of law, statehood.

9 декабря 2016 г. на площадке юридического факультета Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань) состоялся IV Всероссийский «круглый стол» по общетеоретическим проблемам права и государства на тему «**Конституция и конституционализм: проблемы законотворчества и правореализации**» (модераторы: зав. кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», доктор юрид. наук, проф. *Р.Ф. Степаненко* и доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. юрид. наук *А.В. Солдатова*).

В работе «круглого стола» приняли участие российские ученые в сферах теоретического и отраслевого правоповедения. В ходе мероприятия была проведена видеоконференция, позволившая участникам круглого стола в режиме онлайн дискутировать по всевозможным актуальным проблемам теории права и государства, конституционного, гражданского, уголовного законодательства, социально-экономическим и другим современным тенденциям эволюции российской государственности.

А.Б. Мезяев, зав. кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ», доктор юрид. наук, проф., представил доклад на тему: «**Международное право и Конституция Российской Федерации: некоторые концептуальные вопросы**». В течение длительного времени после принятия Конституции РФ 1993 г. вопрос о соотношении международного права и самой конституции часто обходился полным молчанием в учебниках конституционного права и почти замалчивался в учебниках и международного права. Считалось, что в первом случае достаточно процитировать ч. 1 ст. 15 Конституции о

том, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу...», а во втором случае – говорить о «внутригосударственном праве» в целом, как бы подразумевая, что в него входит и Конституция. Даже те редкие учебники, в которых имелся специальный раздел «Конституция и международное право», вопрос об их соотношении обходили. Интересная ситуация сложилась и с первыми научными комментариями Конституции РФ, когда ч. 4 ст. 15 комментировали специалисты в любых отраслях права, кроме юристов-международников. При этом юристы-международники входили в авторский коллектив, но от комментария «главной» международно-правовой статьи отказывались. Такому подходу, конечно, имелись свои причины. Дело в том, что положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ давали основания для такого толкования, согласно которому международное право оказывалось выше Конституции России.

Действительно, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ имеется следующее положение: Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Если исходить из положений общей теории права о том, что конституция государства представляет собой «закон», то получалось, что сама Конституция РФ устанавливала приоритет международного договора над своими собственными положениями. Обходящие молчанием вопрос о соотношении конституции и договора юристы понимали, что такое положение неверно. Некоторые юристы, правда, пытались выдвигать аргумент о том, что сама Конституция РФ ни разу не называет сама себя «законом» (как, например, это было ранее в СССР). (Конституция СССР называлась также Основным Законом, и данный тер-

мин был отражён в самом названии Конституции.)

Однако данный аргумент не мог отменить положений общей теории и потому не являлся достаточно убедительным. Окончательное разрешение данного вопроса дал Конституционный Суд РФ 14 июля 2015 г. (Постановление от 14 июля 2015 Г. N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции "О защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»).

Однако решение Конституционного Суда принято на основе довольно сложного толкования. В этой связи представляется достаточно обоснованным предложение Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина о внесении изменений в Конституцию РФ с целью чёткого и недвусмысленного установления приоритета внутригосударственного права над международным.

А.В. Погодин, зав. кафедрой теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юрид. наук, доц., выступая на тему «*Конституция в системе факторов эффективной правореализации*», подчеркнул, что правореализация интегрирована - включена во многие социальные ситуации, отношения, виды деятельности и практики. Она есть сложный синтез социального, психологического и юридического (правового) содержания и формы. Гармоничное и сбалансированное взаимодействие этих элементов образует эффективную правореализацию как на микроуровне (социальная ситуация, отношение), так и макроуровне (вид деятельности, конкретная практика, система практик муниципального, регионального, федерального масштаба). В результате возникает высокое социально-правовое и психологическое качество жизни человека. На формирование эффективной правореализации позитивно и негативно влияют различные национальные и международные факторы.

Позитивные факторы: 1) ситуационные факторы-условия, факторы-причины, факторы-катализаторы, факторы-гарантии; 2) в каждой практике, например, практике выборов, следственной практике, должна быть система необ-

ходимых и достаточных позитивных факторов; если их нет или они есть, но негативные факторы преобладают, то в данной практике правореализация не будет выполнять свойственные ей созидательные функции в полном объеме. Как неизбежное следствие, в этом сегменте социума появляется и накапливается отрицательная социальная энергия, блокирующая процесс становления социально-правового государства и гражданского правового общества; 3) глобальные факторы-предпосылки (материальные факторы, факторы правосознания личности, организационно-структурные факторы, факторы социальной стабильности, культурологические факторы, фактор качественной теории правореализации), которые действуют в масштабе всей социальной системы [1, с. 50-53; 2, с. 42-46].

Конституция в единстве с конституционными федеральными законами, правовыми позициями КС РФ органично встроена в систему факторов и способна при определенных условиях воздействовать на эффективную правореализацию на микро- и макроуровне. Однако она не является абсолютной ценностью, ее действие-реализация имеет положительные (что, бесспорно, преобладает), нейтральные и даже негативные духовно-нравственные, социально-правовые и собственно правовые результаты и последствия. Такая неоднозначность и противоречивость связана с наличием в Конституции явных и скрытых пробелов.

Р.А. Ромашов, начальник управления по работе с персоналом ООО «Газпром межрегионгаз», профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, выступил с докладом на тему «*Конституционализация государства: понимание и динамика*», отметив, что традиционно история государства и права, рассматривается в контексте национальной истории, развитие которой воспринимается по аналогии с человеческой жизнью, где один и тот же человек последовательно минует определенные этапы собственной биологической жизни. Если принимать за основу такой подход, то можно согласиться с утверждениями о 1000-летнем «возрасте» Российского государства, изменяющегося по форме и содержанию, однако остающегося неизменным по своей субстанционально-сакральной сущности, сводимой к некоему уникальному «русскому духу» и «русской вере».

В подобном контексте древняя Русь, средневековое русское государство, Российское государство нового и новейшего времени, это различные исторические состояния одного и того же государства. Получается, что «Московское русское царство» является правопреемником Киевской Руси; Российская Империя - правопреемник Московского царства,

РСФСР - преемник Российской Империи; СССР - преемник РСФСР; Российская Федерация - преемник СССР. При этом то, что из цепочки государств правопреемников «выпала» Золотая Орда, осуществлявшая колонизацию русской земли и русского народа в течение более чем 300 лет (кстати, примерно столько же руководили Россией представители династии Романовых), никому не представляется странным и не соответствующим логике исторического анализа.

На мой взгляд, сопоставление государства с человеком методологически неверно и контрпродуктивно. Прежде всего, следует отметить, что система оценки государственной и человеческой истории базируются на противоположных показателях. Если в истории государства выделяются периоды древней, средней, новой и новейшей истории, то человеческая жизнь развивается от детства и юности к взрослости и старости. Получается, что «Россия молодая» - это «Россия старая», нонсенс.

Столь же некорректно говорить о «древнем, среднем и новом» времени. Само по себе время в силу своей безграничности и бесконечности не предполагает хронологической шкалы. Время было, есть и будет нематериальной средой социального развития. Точно так же как рождаются и умирают люди, возникают и прекращают существование государства. В таком понимании говорить о вечности российского государства, можно с такой же долей вероятности, как и о бессмертии любого из ныне живущих людей.

В реальности можно и нужно говорить о фактической истории народа, земли и веры, о фактической истории государства. На определенных исторических этапах эти «истории» могут сводиться в единую социо-культурную политико-правовую конструкцию называемую сегодня «национальным государством», соответственно, столь же вероятным представляется распад национальных государств и создание на их основе других государственных образований. Если взять за основу дальнейших рассуждений заявленную концепцию, которую я предлагаю назвать концепцией «циклической истории», то следует говорить не о единой истории «единой России», а о совокупности замкнутых циклов - обособленных «государственных историй», каждая из которых характеризует отдельно взятую жизнь отдельно взятого государства, минующего в изменяющейся динамике своего состояния периоды возникновения, становления, стабильности, стагнации, кризиса, разрушения (преобразования).

Феномен конституционализации представляет собой содержательную характеристику уровня государственного развития, в рамках которой определяется фактическая возможность и стремление представителей государственной власти опираться в своих решениях не на субъективный волюнтаризм правителей, а на объективированные норматив-

ные положения, закрепленные в законодательных актах, обязательных как для подвластных, так и для самой власти.

Признание государства конституционным в большей степени зависит не от формальных признаков (наличия писанной конституции, законодательных актов, правотворческих и правоприменительных органов и т.п.), а от субстанционального наполнения соответствующих юридических конструкций. Точно так же, как «Храм без Христа в сердце, всего лишь декорация» (И. Глазунов), так и государство в котором право воплощенное в конституции и законах, не более чем послушный инструмент в руках власти не может быть правовым (конституционным).

Современная Россия в очередной раз находится на переходном этапе своей государственной истории. При этом равновероятны два пути развития – конституционализация политико-правовых отношений, направленная на «возвышение» права и обретение им объективной природы либо, к сожалению, традиционная для нашей национальной истории, тенденция к усилению бюрократической составляющей государственного механизма и возобладание его карательно-репрессивной сущности над правоохранительной. Какой из путей определит наше общее будущее, покажет равнодушное время. Лично мне и моим близким конституционная Россия представляется более безопасной и комфортной. Дай нам Бог...

О.Ю. Рыбаков, зав. кафедрой теории, истории государства и права и философии ВГУЮ (РПА Министрства юстиции России), доктор юрид. наук, доктор филос. наук, проф., в своем выступлении «*Ценностные основания толкования права*» отметил, что принципы определенного типа понимания права основываются на ценностно-мировоззренческих критериях, ориентирах восприятия права – всего комплекса параметров, отражающих содержание и внешнее оформление, обрамление нормы права, ее конструкцию, которая в свою очередь предлагается для восприятия и руководства к действию или воздержания от него. Руководство принципами, ценностями, имманентными определенному типу понимания права сопряжено с обработкой персональным сознанием той или иной нормы права с учетом множества факторов объективного порядка: целей нормативного правового акта в целом, так как невозможно часть осознать вне целого, общепринятого значения тех или иных понятий, учета факторов реализации нормы права. На самом деле толкование нормы права, какого бы типа или способа не придерживался субъект толкования, происходит не изолированно, не автономно: лишь цели (телеология), лишь понятия и юридической конструкции (специально-юридическое толкование), лишь факторов и условий реализации нормы (функциональный аспект).

Отношение к праву в современных условиях в большинстве социумов основано на естественном понимании права, ценностях и принципах естественного права, где человек, его достоинство, честь, жизнь, здоровье, безопасность, уважение к себе и подобным есть главные ценности. Но является ли само естественное право единственной правовой ценностью? Конечно, нет. Универсум правовых ценностей отличается разнообразием. В различных социумах, правовых системах естественные права в том виде, в котором они сформулированы в соответствующих международных документах, могут и не признаваться на нормативном и доктринальном уровнях, что не мешает соблюдать принятые, исторически сложившиеся способы взаимоотношений между людьми, между ними и государством, основанные на религии, национальной культуре, традициях. Поэтому неизбежно возникает вопрос разграничения культурно-религиозно-исторических ценностей, объективирующихся как общесоциальные ценности и собственно правовые, отражающие характеристику правовой системы, идеологию культуры определенного общества.

Ценностные основания толкования права (правовой нормы) могут быть сгруппированы следующим образом:

Первая группа - базовые ценности, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство существующей, исторически сложившейся организации правового обеспечения и регулирования отношений жизнеустройства личности, общества, государства и характер осуществления власти в нем (органические ценности личности, общества, государства).

Ко второй группе относится телеология ценностей, т.е. совокупность целевых установок, отражающих необходимые перспективы развития права в широком смысле. Эта группа ценностей влияет на динамику изменений, обновления законодательства, характер изменений в правоприменении, количество новых научных исследований и подходов в сфере права и т.д.

К третьей группе следует отнести ценности рационально-утилитарного характера, отражающие необходимость решения первоочередных конъюнктурных вопросов и выполняющие инструментальную роль приближения ситуации к идеалу, заложенному в цели.

Таким образом, ценностно-мировоззренческие предпосылки толкования и понимания права совершенно очевидны. Важно четко представлять каким образом группируются ценности, какие мировоззренческие послылы они влекут и к какой доминирующей, а возможно единственной группе ценностей, в конечном итоге приводят.

З.Ф. Сафин, зав. кафедрой земельного, экологического, трудового права и гражданского процесса, доктор юрид. наук, проф., представил доклад на тему

«Прогностика гражданско-правовых рисков в законотворческом процессе», в котором остановил своё внимание на высокой степени актуальности заявленной проблематики. Характеризуя гражданско-правовые отношения как, в целом, подверженные высокой степени рисков, автор отметил важную роль гражданского права в разумном и эффективном подходе при распределении негативных последствий рисков в договорных отношениях, институтах страхования, в сфере отношений подряда, в области оказания социальных услуг, постоянной и пожизненной ренты, а также предпринимательской деятельности.

Нормы действующего гражданского права должны содержать в себе эффективные механизмы справедливого распределения рискованной нагрузки для всех участников частно- и публично-правовых отношений, т.к. от степени их нормативного выражения зависят интересы не только отдельных участников гражданского оборота, но и соблюдение прав и интересов общества в целом.

Особая роль в умении предвидеть наступление деструктивных последствий от всевозможных рискованных гражданско-правовых отношений принадлежит законодателю. Целью правовой прогностики в этом смысле является обеспечение возможности предусмотрительного правового регулирования и правового воздействия на динамику гражданско-правовых состояний, учитывающие происходящие процессы в социально-экономической, политической и иных сферах общественных отношений. Прогнозирование предполагает, между тем, знание законодателем не только закономерностей и стратегий модернизации национальной правовой системы, но и международного правотворчества, в особенности в сфере инвестиционной деятельности и связанной с ней политической составляющей (санкции, рестрикции и др.).

Риск, являясь неотъемлемым свойством гражданско-правовых отношений и атрибутивным антропогенным фактором, должен приниматься во внимание при установлении степени вины как обязательного условия наступления гражданско-правовой и иной ответственности, при установлении либо ограничении этой ответственности, возложении обязанности возместить убытки на непосредственных участников правоотношений и на третьих лиц, для чего должны быть законодательно сформулированы соответствующие нормативные требования к форме сделок, опосредующих переход прав, к легитимации различных видов государственной регистрации и т.д. Для чего необходимо конкретизировать статью 2 Гражданского законодательства в части справедливого распределения последствий от рискованных действий в зависимости от наличия вины, причинённого реальному ущербу и других юридически значимых обстоятельств.

Необходимо научное методологическое обеспече-

ние, правовой мониторинг, правовое моделирование и комплекс иных мероприятий, способствующих законодательной конкретизации содержательных характеристик и правовых границ (пределов), регулирующих наступление возможных негативных последствий от правовых рисков. Целесообразна аналитика статистики и динамики, диагностики правового потенциала, способного регулировать сферу рискогенного характера при помощи юридических средств и механизмов. Законодательные акты в сфере гражданско-правовых отношений не должны приниматься без учёта прогнозов и критериев публично-правовых и частноправовых тенденций, уровней и особенностей развития экономики, политики, социальной сферы как национальной, так и международных правовых систем, значительным образом коррелирующих внутри и между собой в глобально изменяющемся мире.

Р.Ф. Степаненко, зав. кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», доктор юрид. наук, проф., в своём выступлении на тему *«Конституционализм правовой образовательной политики»* отметила необходимость формулирования юридической наукой концепции правовой образовательной политики как системы взглядов, идей, гипотез и проблем о наиболее эффективных способах организации образовательного пространства, механизмах создания современных знаниевых, познавательных, воспитательных и просветительских практик в целях формирования интеллектуально и духовно-нравственно образованной личности.

В данном контексте одной из фундаментальных задач юридической науки является переформатирование общественного, профессионального и доктринального правового сознания на, в первую очередь, конституциональное правосознание, признающее равенство всех субъектов правовых отношений, единообразие соблюдения прав и исполнении обязанностей во всех сферах жизнедеятельности, всеми субъектами правовых отношений, в том числе в образовательной сфере.

Конституционная гарантированность права на образование, сталкиваясь с рядом проблем политического, экономического и иного характера, в то же самое время, остаётся незыблемой и предоставляет выбор человеку и гражданину на тот или иной вариант получения любого высшего профессионального образования, в том числе экономического и юридического. Последнее основывается на новейших достижениях правовой науки, изучающей и репрезентирующей основы, цели, идеи и принципы правовых законов в рамках конституционализма.

Под конституционализмом нами понимается парадигма современного правосознания российских граждан, воспринимаящая и реализующая задачу справедливого право-

вого общественного устройства на основе соблюдения прав и свобод, а также исполнения обязанностей, установленных Основным Законом Российской Федерации. В данном смысле такое развитое правовое сознание полностью осознёт всю полноту конституционных прав-притязаний на получение желаемого качественного образования различного профиля, которое должно предоставить личности государство. В свою очередь, полученное образование должно приносить пользу государству, в целях соблюдения его интересов в обеспечение его цивилизационного развития.

Эволюция современной теории правовой политики, доктринально обосновываемая фундаментальной юриспруденцией, должна носить прогнозируемый характер, исследовать в системе весь комплекс социально-правовых проблем, имеющих важное значение для укрепления российской государственности, развития образованной России.

А.Н. Грязнов, проректор по научной работе, профессор кафедры педагогики УВО «Университет управления «ТИСБИ», доктор психол. наук, представил доклад *«Терциарная социализация аддиктивной личности»*.

Актуальность заявленной темы объективируется в связи с возникновением современных проблем профессионального становления студентов, обусловленных их склонностью к аддикциям (зависимостям). До настоящего времени, проблема аддиктивного поведения исследовалась преимущественно в медицинском и социологическом направлении. При этом основной акцент разработок по борьбе с зависимостями делался на лечении уже больных.

Предложенная нами концепция терциарной (tertiarius, a, um) социализации аддиктивной личности в широком смысле рассматривается как процесс реализации системы психологических, социальных, воспитательных, трудовых и иных мер, направленных на полный отказ от психоактивных веществ, с формированием устойчивой антинаркотической направленности личности. Терциарная социализация аддиктивной личности в узком смысле рассматривается нами как процесс осуществления социально-психологических мероприятий, в ходе которых происходят позитивные изменения: выход аддиктивной личности из специфической социальной группы, в которой преобладают аддитивные ценности, возвращение личности в нормальную социальную среду, приобретение социального статуса, введение в свою личностную систему тех норм и моделей поведения, которые приняты в обществе, возвращение к здоровому образу жизни.

Ее сущность заключается в замене биологических потребностей в употреблении психоактивных веществ на личностно и социально значимые. То есть, минимизация и

нейтрализация патологических личностных статусов, и активизация функционирования нормативных, в частности - статуса компетентного, конкурентоспособного специалиста.

Преодоление склонности к зависимости – это продолжительный по времени процесс, состоящий из нескольких специфических стадий. На каждой стадии должны быть разрешены определенные задачи и достигнуты определенные изменения, направленные на психологическую коррекцию аддиктивной личности: на когнитивном уровне, на уровне самосознания, на эмоциональном уровне, на уровне поведения, на мотивационном уровне. Данная проблема психологической науки находится в прямой корреляции с проблемами юриспруденции в части изучения неправомерных и противоправных форм, в том числе маргинального поведения молодежи. Аддикции и акцентуации (преобладание отдельных негативных свойств личности), отмечает Р.Ф. Степаненко, существенным образом усложняют процессы социальной адаптации и оказывают деформирующее влияние на состояние правосознания молодежи [3, с. 35-46].

Для современной психологии, в том числе правовой психологии актуальной является научная задача, связанная с разработкой теоретических проблем профессионального становления аддиктивной личности. Она имеет и огромное практическое значение. Реализация модели снижения уровня аддикции позволяет осуществить целостный подход к профилактике аддикций: позволяет отслеживать процесс взаимодействия между аддиктом и средой, позволяет учитывать непрерывные изменения, происходящие как в окружающей среде, так и в структуре самой личности. Разработанная модель при ее реализации способствует ведению аддиктивной личностью здорового образа жизни, обретению социального статуса, формированию в ролевом репертуаре позитивных норм и моделей поведения, принятых в обществе. Результатом формирования мотивации на снижение уровня аддикций у студентов является успешное профессиональное становление компетентных специалистов.

С.В. Тихонова, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор филос. наук, в своем выступлении «*Юридизация информационно-коммуникационных технологий как фактор становления электронного государства*» обратила внимание на то, что электронное государство опирается на новые принципы взаимодействия государства и личности, а также между элементами государственной системы. Его дальнейшая эволюция предполагает пристальное внимание к технологическому прогрессу, к порождаемым им новым формам общественных отношений. Использование ин-

формационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственном секторе подчиняется цели обеспечения перманентной оптимизации партисипативного взаимодействия государства и общества, их взаимной открытости к сотрудничеству с заинтересованными в решении проблем субъектами. В этих условиях все большее значение приобретает процесс специализации информационной среды, создаваемой для ветвей электронного государства. Он подчиняет архитектуру и контент данной среды потребностям правогенеза и правореализации. Не только юридическая практика меняется под влиянием информатизации, сами технологии адаптируются к решению юридических задач. В итоге информационно-коммуникационная технология приобретает черты юридической технологии, подчиняясь содержательным и процессуальным требованиям, вытекающим из сущности права.

В юридической науке понятия техники и технологии используются давно для описания системы приемов, способов, средств, правил подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования компетентными органами наиболее совершенных по форме, структуре, содержанию и изложению нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов. Семантическим ядром данных терминов является письменный текст как текст нормативно-правового акта, логико-лингвистические процедуры создания, толкования и применения которого и составляют содержание юридических технологий. Однако перевод текста в электронную форму означает включение в эти процедуры ЭВМ и основанных на ее использовании информационно-компьютерных технологий.

Таким образом, ядром юридической технологии становится электронный текст (электронный документ) и порожденные им процедуры создания, толкования и применения. Последние отличаются расширением доступа к участию в производстве электронного государства, скоростью создания и публикации, особой системой взаимосвязи между документами. Таким образом, юридизация ИКТ детерминирует трансформацию семантического ядра в определении понятия «юридическая технология». Этот процесс означает обогащение концепции электронного государства, поскольку открывает новые перспективы развития позитивного права в электронных формах.

Р.Р. Амирова, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук, представила доклад «*Проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья*», в котором обратила внимание, что конституционное право каждого на охрану здоровья, провозглашенное в ст. 41 Конституции РФ, является одним из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных

прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья, затрагивающих основы его жизни, реализация которого во многом зависит от состояния экономики и ресурсов государства.

Следует согласиться с мнением М.В. Баглая, о том что, право на охрану здоровья является не сколько, юридической нормой, сколько стандартом, к которому должна стремиться политика государства [4].

В Конституции РФ содержится перечень прав граждан, реализация которых могла бы обеспечить право на пользование благами, позволяющими обеспечивать хорошее состояние здоровья. К целевым установкам, определяющим рамки для изменения правового регулирования отношений об охране здоровья граждан, можно отнести:

- признание на территории Российской Федерации права всех лиц (а не только граждан) на охрану здоровья и медицинскую помощь;
- установление бесплатного характера медицинской помощи для граждан Российской Федерации;
- определение субъектов, предоставляющую эту бесплатную помощь в виде государственных и муниципальных учреждений здравоохранения;
- определение в качестве финансовых источников обеспечения бесплатности медицинской помощи бюджет и страховые взносы.

Однако отсутствие среди них норм, которые бы гарантировали экономическую обеспеченность прав граждан в сфере здравоохранения, приводит к тому, что фактические отношения по обеспечению граждан медицинской помощью в наибольшей степени отличаются от предусмотренной конституционно-правовой модели.

Создание правовых предпосылок для реализации этого конституционного права, или какие-либо значимые результаты в заданном направлении ещё не достигнуты. Данная проблема вызвана незавершенностью законодательства об охране здоровья, правовым несовершенством, отсутствием надлежащей ответственности должностных лиц за неисполнение обязанностей, связанных с обеспечением права человека и гражданина на охрану здоровья, низкой исполнительной дисциплиной граждан в рассматриваемой сфере, которые в совокупности ведут к маргинализации населения [5, с. 493-504; 6, с. 30-39].

Подзаконные нормативные акты, принимаемые в развитие федеральных законов, нередко выходят за пределы очерченные законом, активно «дополняют» их, а подчас излишне дублируют. Таким образом, основная проблема существующего правового регулирования – разобщенность в законодательном регулировании отношений в сфере здравоохранения. Следовательно, принятие нормативно-правового акта, такого как Кодекс «Об охране здоро-

вья», позволит консолидировать нормы по обеспечению прав граждан на охрану здоровья.

Л.В. Бакулина, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук, доц., в своем выступлении **«Конституционное право защиты семьи государством: проблемы уголовно-исполнительного законодательства»** провела анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” ч.3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королёва и В.В. Королёвой». Автор отметила следующее: в соответствии со ст. 38 Основного Закона в Российской Федерации материнство и детство, семья находится под защитой государства. Возможно ли в полной мере эту норму корреспондировать непосредственно к особо опасным преступникам, лишившим жизни тех самых матерей и детей, разрушивших чьи-то семьи бесчеловечными, варварскими способами.

Известный советский и российский писатель Даниил Гранин в своей пламенной речи в Бундестаге (Германия) в 2014 г. посвященной блокаде Ленинграда говоря о фашизме употребил слово «расчеловечивание». Такое же «расчеловечивание» произошло, на наш взгляд, с осужденными к пожизненному лишению свободы в момент совершения ими чудовищных преступлений.

В настоящее время в шести исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы содержится около 2000 человек – людоедов, террористов, детоубийц, садистов, педофилов и т.д. и на их счету не одна загубленная жизнь. В своей жалобе супруги Королёвы называют лишение их права на рождение их детей «жестоким и бесчеловечным обращением и наказанием, нарушающим их право на семейную жизнь...». А разве убитый Н.В. Королёвым китайский предприниматель Ли Чживея и ещё 14 человек, включая двух детей, которые погибли в результате теракта с участием Н.В. Королёва на Черкизовском рынке в 2006 г., не хотели иметь детей, внуков и не имели права на семейную жизнь? У них её уже не будет никогда. А у преступника Н.В. Королёва будет возможность через 10 лет получить два длительных свидания в течение года, если он, при отсутствии взысканий, будет переведен на обычные условия отбывания. Так определяется в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда РФ.

Учитывалось ли в этом решении наличие не только этико-правовых, но и медико-биологических особенностей данной категории преступников, те генетические факторы, которые могут доминировать в рожденных от них детей. Примеры тому - сын Чикатило, который пошёл по сто-

пам отца. Другой фактор – не окажутся ли дети, рожденные от такой категории преступников, – изгоями общества. Не исключена и ситуация, что по достижении совершеннолетия такие дети демонстративно откажутся от таких отцов. Кстати, сам Н.В. Королёв является противником предоставления вообще длительных свиданий для продолжения рода педофилам и серийным убийцам [7].

Федеральный законодатель в качестве меры поощрения для осужденных к лишению свободы предусмотрел 4 дополнительных краткосрочных свидания или 4 длительных свидания в течение года (п. «е» ч. 1 ст. 113 УИК РФ и ч. 2 ст. 114 УИК РФ), помимо тех свиданий, которые положены осужденным к лишению свободы по закону. В Постановлении КС РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П подчеркивается, что законодатель «не оговори при этом ни ограничений, ни исключения их применения в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы». Данная аргументация представляется недостаточно убедительной. С нашей точки зрения никаких дополнительных оговорок не требуется, ибо в ст. 89, 113, 114 УИК РФ речь идёт об осужденных только к лишению свободы. Данного рода оговорки предусмотрены законодателем в ч. 3 и ч. 4 ст. 127 УИК РФ в которых делаются ссылки на ст. 124 УИК РФ, а в ч. 6 ст. 127 УИК РФ на ст. 125 УИК РФ.

Осужденные к пожизненному лишению свободы в России обращаются к зарубежной практике, которая в части предоставления длительных свиданий данному контингенту, более гуманна. Следует заметить, что за рубежом существуют и другие практики в пенитенциарной сфере. Например, пожизненное лишение свободы применяется даже к несовершеннолетним в Великобритании, ЮАР, США, причем в некоторых штатах США без права на условно-досрочное освобождение. В России для осужденных к пожизненному лишению законом предусмотрено условно-досрочное освобождение по истечении 25 лет, что тоже гуманно.

Представляется важным определить меру разумности и справедливости при вынесении таких дискуссионных решений судебными органами, которое ляжет в основу уголовно-исполнительного законотворчества и правоприменения. Насколько эта мера будет гуманной – покажет время.

А.Л. Васин, ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского федерального университета, канд. юрид. наук, в своем выступлении *«Равноправие субъектов Российской Федерации: проблемы правореализации»* отметил, что Конституция РФ содержит некоторую непоследовательность в регулировании статуса субъектов Федерации. С одной стороны, закрепляется принцип равноправия всех российских регионов между собой во взаимоотношениях с

федеральными органами государственной власти (ч. 1, 4 ст. 5). С другой – сохраняются элементы иерархичности субъектов Федерации, которые можно рассматривать как некие отголоски Федеративного договора от 31 марта 1992 г., который фактически представлял собой три самостоятельных договора отдельно для республик, отдельно для краёв, областей и городов федерального значения и, наконец, отдельно для автономий. В частности, республики, входящие в состав Российской Федерации, признаются государствами (ч. 2 ст. 5). Остальные субъекты РФ государствами не являются, включая такие территориальные образования, которые подобно республикам основаны на национальном признаке, такие как автономная область и автономные округа. Кроме того, три из четырёх существующих в настоящее время автономных округа входят в состав других субъектов Федерации (областей), то есть являются частью целого. Исключение составляет только Чукотский автономный округ, который ещё до принятия действующей Конституции РФ добился непосредственного вхождения в состав Российской Федерации на основании Закона РФ от 17 июня 1992 г. Возникает вопрос: как может быть часть равновелика и равноправна с целым?

Принцип равноправия субъектов Российской Федерации в числе прочего означает, что ключевым подходом в федеративном устройстве России является стремление к так называемой симметрии регионов. Вместе с тем Конституция РФ содержит механизм учёта региональной специфики, его экономических, этнических, экологических, культурных и иных особенностей. В частности, речь идёт о ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, предусматривающей возможность заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов. Использование данного механизма усиливает различия между регионами и привносит дополнительную асимметричность в конструкцию федеративного устройства России.

Конституция Российской Федерации уже не называет республики суверенными государствами (в отличие от Федеративного договора 1992 г.). Более того, Конституционный Суд РФ своей правовой позицией, выраженной в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П и Определении от 27 июня 2000 г. № 92-О, по сути, нивелировал выделение республик относительно других субъектов Федерации как по признаку «суверенитета», так и по признаку «государства». Однако особенности конституционного статуса республик в составе РФ отнюдь не исчерпываются вопросом признания или непризнания за ними хотя бы остаточной доли суверенитета. Есть и другие признаки. Речь, в частности, идёт о такой особенности республик как возможность принятия ре-

гиональной конституции (или её части) посредством референдума, в то время как иные субъекты РФ имеют прямое конституционное предписание принимать свои уставы законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Федерации (ч. 2 ст. 66 Конституции РФ).

Проблемность в вопросе равноправия субъектов РФ выявляется в области правоприменения, правореализации. Рассмотрим в этой связи два аспекта реализации конституционных норм. Первый: уже упомянутый механизм ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, то есть практика заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и её субъектов. Здесь отчетливо выделяются два этапа развития этой практики. На первом из них, начало которому было положено Татарстанским договором от 15 февраля 1994 г., происходит довольно значительное количество заключений подобных договоров. Так, к 1998 г. насчитывалось 42 таких договора с участием 46 субъектов Федерации (из 89 существовавших на тот момент регионов). Однако проблемы реализации данных договоров проявились настолько, что в итоге на втором этапе, оказался одним-единственным Татарстанский договор, утверждённый Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ. Контраст в правореализации конституционных положений очевиден. Сейчас, надо полагать, мы стоим на пороге третьего этапа: удастся ли пролонгировать данный договор, и появятся ли новые подобные договоры у других субъектов РФ.

Проблемы такие наблюдаются и в реализации конституционных положений, которые предоставляют автономиям возможность инициирования федерального закона об автономной области, автономном округе (ч. 3 ст. 66 Конституции РФ), а также предусматривают возможность заключения автономными округами договоров с субъектами, в состав которых они входят (ч. 4 ст. 66 Конституции РФ). К настоящему времени ни один подобный федеральный закон не принят и ни один подобный договор не заключён.

Таким образом, реализация конституционных положений, регулирующих вопросы равноправия субъектов РФ, в настоящее время характеризуется проблемностью, ограниченностью и неиспользованными возможностями, де-юре закреплёнными в Основном Законе.

С.Н. Дружков, директор Центра девиантологии УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. юрид. наук, доц., в своем выступлении на тему *«Коррупция как угроза национальной безопасности в Российской Федерации»* отметил, что в Федеральном законе «О противодействии коррупции» определение коррупции дается законодателем как перечисление противоправных действий. Пункт 1 ст. 1 сформулирован следующим образом:

«Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица»;

Однако следует отметить, что коррупция не может рассматриваться исключительно как правовое явление и находится в рамках моноотраслевого исследования. Социально – правовая природа коррупции требует совершенно иного подхода для правильного понимания и определения рассматриваемого понятия и подразумевает непосредственное использование философии, этики, политэкономии и в первую очередь социологии.

Формы и виды коррупции крайне разнообразны, но независимо от того является коррупция бытовой, политической, или попадает под иную классификацию, последствия ее в конечном итоге представляют опасность для государства. Не случайно коррупция упоминается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300.

«Угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту. Серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения реформ в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способствующими росту преступности, особенно ее организованных форм, а также коррупции.

Последствия этих просчетов проявляются в ослаблении правового контроля за ситуацией в стране, в сращивании отдельных элементов исполнительной и законодательной власти с криминальными структурами, проникновении их в сферу управления банковским бизнесом, крупными производствами, торговыми организациями и товаропроводящими сетями. В связи с этим борьба с организованной преступностью и коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер».

С момента принятия, Концепция о национальной безопасности Российской Федерации неоднократно претерпевала изменения и в настоящее время действующим является Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", в п. 43. которого среди основных угроз государственной и общественной безопасности, коррупция отмечается отдельно. Данное выведение коррупции в степень самостоятельной угрозы, говорит о понимании руководством страны всей значимости социально - политических последствий коррупционных проявлений. Дополнительным подтверждением этому может служить Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460, в которой признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации является одним из основных принципов Национальной стратегии противодействия коррупции.

Решение задачи эффективного противодействия коррупции является не только залогом успешного развития государства и одним из приоритетных направлений в политике, но и залогом его целостности и позитивного имиджа на международной арене.

А.Е. Колмаков, доцент кафедры мировой экономики ИРНИТУ, канд. экон. наук, доц., и Самусевич А.Г., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ (г. Иркутск), канд. юрид. наук, в своем докладе *«Оппортунистическое поведение – основа конфликта интересов преподавателя»* отметили, что коррупционное поведение преподавателя лежит в плоскости его интересов, которые не совпадают с целями учебного заведения и преподавательской деятельностью, но совпадают с его личной выгодой. Это можно охарактеризовать как конфликт интересов педагогического работника, который закреплен в ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», как «ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды...» [8]. Именно оппортунистическое поведение преподавателя лежит в основе возникновения конфликта интересов, при котором он включается в коррупционную «сделку» с целью получения выгоды при меньших затратах. С точки зрения уголовно-правового закона такое поведение содержит в себе признаки состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ – получение взятки с ее вымогательством. При этом преподаватель заведомо создает условия, при которых студент вынужден передать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, отчисление за академическую задолженность). Взятнич-

чество является одной из форм оппортунистического поведения индивида, то есть такого поведения, когда одна из сторон сделки стремится улучшить своё благосостояние за счёт контрагента, используя при этом элементы коварства (обман, утаивание информации, мошенничество, угрозы, вымогательство и прочее). Здесь интересны выводы и зарубежных ученых, которые представили коррупционную схему «преподаватель – студент» в виде сделки. Так, R. Klitgaard определяет студентов как клиентов, которые намереваются предложить неформальную плату за возможность повлиять на результаты экзамена. В обмен на высокие оценки они предлагают преподавателю деньги или подарки [9, р. 70].

Предпосылки оппортунистического поведения преподавателя, которые приводят к конфликту интересов: положительная экзаменационная отметка имеет для студента определённую положительную ценность; преподаватель при «раздаче» экзаменационных оценок, как правило, выступает в роли монополиста (обладание дискреционной властью); внешний контроль над деятельностью преподавателя не может быть всеохватывающим.

Таким образом, при формировании умысла на совершение коррупционного преступления у преподавателя имеются мощные экономические стимулы к тому, чтобы выбрать одну из форм оппортунистического поведения. Это позволит ему, в конечном счёте, максимизировать своё благосостояние. При этом ясно, что преподаватель откажется от такого поведения, если альтернативные издержки будут слишком высокими, и если, что главное, его правовое сознание и правовая культура будут препятствовать или же противостоять совершению противоправных деяний.

М.А. Мушинский, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета, канд. юрид. наук, доц., сделал сообщение по теме *«Коррупция и противодействие ей под углом зрения конституционной аксиологии»*. Противодействие коррупции является приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности, которое имеет конституционную основу, и должно быть обеспечено соответствующими необходимыми и достаточными доктринальными обоснованиями. По мнению докладчика, конституционная основа системы противодействия коррупции в Российской Федерации лежит в аксиологической плоскости.

Принятые сегодня в уголовном и административном законодательстве технико-юридические решения об отнесении коррупционных правонарушений к той или иной категории исходя из объекта посягательства, не в полной мере соответствуют фактическому положению дел. Ведь в самом широком смысле коррупция причиняет вред системе

зафиксированных в Конституции РФ основных социально-правовых ценностей. А отсутствие должной эффективности в деле противодействия коррупции во многом объясняется искажениями в системе этих ценностей. С энтузиазмом принятые в 1993 г., в период «романтики конституционализма» российским народом ценностные установки Конституции РФ за истекшие с того момента 20 с лишним лет, постепенно утратили свой «романтический флер» и были в определенной степени обесценены. Ярчайшая иллюстрация тому – падение до критических отметок интереса к ценностям демократии, проявляющееся в отсутствии электоральной активности, росте политического и правового нигилизма, в падении авторитета и легитимности властных институтов. Все эти негативные тенденции стали во многом (если не в главном) следствием политической коррупции.

Необходимо «вернуть» понимание конституционных ценностей в общественное сознание, и это приведет к осознанию того, что коррупция в любых масштабах и в любом своем проявлении причиняет вред общезначимым социально-правовым ценностям. Эти ценности, в свою очередь, представляют собой зафиксированные в тексте Конституции, определенные на основе социальных компромиссов общепризнанные жизненные ориентиры; идеальные (желательные) личные и общественные состояния, к которым нужно стремиться; лежащие в конституционно-правовой области явления и объекты общественного бытия, которые в сознании личности и социальных групп, а в условиях развитого гражданского общества – в сознании всего общества, являются особо значимыми для удовлетворения материальных и духовных потребностей, для полноценного существования человека, социальных групп и общества в целом. Правовые ценности лежат в основе целей конституционно-правового регулирования, определяют смысл и содержание правоотношений.

Объектом противоправного посягательства коррупционера всегда являются конституционно-правовые отношения – вне зависимости от того, в какой предметной области совершены конкретные противоправные действия: в судебной ли системе, в сфере здравоохранения, образования, дорожного строительства, госзакупок или любой другой. Объектами же конституционных правоотношений являются в большом числе случаев общественные ценности. При характеристике двух других составных частей структуры правоотношения – субъектов и содержания – можно воспользоваться предложенным Р.А. Ромашовым конструктивным делением конституционно-правовых отношений на субъект-объектные (состояния) и субъект-субъектные (взаимодействия) формы юридических коммуникаций [10]. В случае с коррупцией, исходя из того, что

вред причиняется общезначимым ценностям, объектом являются именно отношения-состояния, отражающие связь субъекта действия с объектом воздействия – той или конституированной ценностью. Например, состояние «избиратель» отражает связь гражданина Российской Федерации с ценностью демократии; состояние «собственник» отражает связь гражданина с частной собственностью как конституционно-правовой ценностью, и т.д. Отношение-взаимодействие же возникает после того, как выявляется конкретный факт, квалифицируемый как коррупция, в рамках процедуры реализации юридической ответственности и т.д. Чаще всего оно «уходит» из области конституционно-правовой в соответствующую, в зависимости от вида ответственности, отрасль права. Хотя в отдельных ситуациях конституционно-правовая составляющая может сохраняться в виде отношения-взаимодействия (например, парламентское расследование, лишение депутатского или судебного иммунитета и т. п.).

Таким образом, если рассматривать не деформированную систему конституционно-правовых отношений как конституционный правопорядок, то не должный учет в их нормативно-правовом при конструировании социально-правовых ценностей, а отсутствие механизмов обеспечения и защиты ценностей, создает коррупционные риски.

Необходимо на доктринальном уровне формирование антикоррупционного гражданского правового сознания, способствующего пресечению фактов коррупции.

Р.Н. Салиева, зав. кафедрой гражданского права УВО «Университет управления "ТИСБИ", канд. юрид. наук, доц., выступила с докладом *«Конституционные гарантии экологических прав граждан»*. Конституционными экологическими правами граждан являются право на благоприятную окружающую среду; право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды; право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением. Конституцией РФ провозглашено, что указанные права являются высшей ценностью, а обязанность государства – их признавать, соблюдать и защищать. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ст. 45 Конституции РФ).

Безусловно, сам факт провозглашения экологических прав граждан в Конституции РФ является гарантией их реализации. Но обострение глобального экологического кризиса, все большее отчуждение человека от природы и усиление потребительского отношения к ней указывают на то, что юридические механизмы конституционных гарантий экологических прав граждан не являются эффективными.

В Конституции РФ не установлен механизм реализации конституционных гарантий, без которого экологические

права остаются формальными и декларативными. Конституция Республики Татарстан также гарантирует обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования; принятие мер по сохранению и оздоровлению окружающей среды; поощрение деятельности, способствующей обеспечению экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия, однако также не предлагая эффективных способов реализации экологических прав граждан.

Перед эколого-правовой наукой стоит задача выявления и изучения системы конституционных гарантий экологических прав граждан; классификации конституционных гарантий экологических прав граждан; системы органов публичной власти, их компетенции и полномочий по реализации конституционных гарантий; системы нормативно-правового регулирования отношений по обеспечению реализации конституционных экологических прав граждан. Важным является исследование вопроса о государственно-частном партнерстве как конституционной гарантии обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования.

Мир меняется, мы живем в эпоху бифуркаций и развития самоорганизующегося нового информационного общества в условиях широкого обмена экологическими знаниями и информацией. В новых геополитических условиях конституционные гарантии экологических прав граждан призваны обеспечить выход из экологического кризиса, при котором общество находится на неустойчивой грани самоистребления.

Я.В. Солдатов, доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. ист. наук, в своем докладе, посвященном теме *«Отечественный опыт противодействия коррупции: исторический аспект»*, обратил внимание на то, что проблема борьбы с коррупцией имеет глубокие исторические корни и, к сожалению, продолжает сохранять свою актуальность на сегодняшний день. Коррупция имеет комплекс причин и несет большую угрозу общественному порядку. В связи с чем, всестороннее исследование отечественного опыта противодействия данному негативному явлению имеет не только научную, но и практическую значимость.

Несмотря на наличие свидетельств коррупционных действий представителей государственной власти в древнерусских летописях, именно процессы создания централизованного государства, обладающего мощным государственным аппаратом, способствовали их широкому распространению. Не случайно, в период княжения Ивана III государство впервые законодательно ограничивает коррупционные действия. По мере разрастания государственного аппарата наблюдается, с одной стороны, учащение случаев корыстных злоупотреблений должностных лиц, с

другой - усиление государственной борьбы с ними, то есть осознание реального ущерба, наносимого коррупцией государственным интересам. На протяжении XVI–XVII вв. вводилась уголовная ответственность за взятки и иные коррупционные правонарушения, в первую очередь, со стороны судейского корпуса.

Утверждение абсолютизма, создание института государственной службы, расширение полномочий государственного аппарата, и параллельное ухудшение беспорядочного положения населения, ликвидация органов сословного представительства, создавали благоприятную среду для развития коррупционной составляющей в деятельности должностных лиц. Предпринятые администрацией Петра I меры носили комплексный правовой характер и предусматривали не только ужесточение наказания, но и правостановительные меры, а также деятельность по предупреждению правонарушений в этой сфере.

С точки зрения выступающего, в XIX в. связи с сверхцентрализацией государственной власти, установившейся в период правления Николая I, и подавления общественных инициатив коррупция процветала и стала одной из косвенных причин поражения в Крымской войне. Либеральные преобразования Александра II определили новый этап в борьбе с коррупционными преступлениями. Судебная реформа 1864 г., внедрив независимость суда от администрации и гласность судебного процесса, создала правовой инструментарий борьбы общественности с этим злом, что дало свои положительные результаты. Таким образом, опыт противодействия коррупции в нашей стране доказывает необходимость консолидации как государственных, так и общественных усилий в этой сфере.

Г.Н. Степаненко, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. филос. наук, выступил с докладом на тему *«Особенности преподавания логико-методологических дисциплин в юридическом образовании»*, в котором пояснил, что современные знания о праве и социально-правовых явлениях в эволюции государственности базируются в контекстах эмпирического и теоретического уровней познания, интерпретируемых в континууме всеобщих принципов диалектической логики.

Особенностями современного высшего юридического образования являются не столько общенаучная, сколько практикоориентированная направленность. Для последней наиболее актуальными и востребованными остаются приемы, принципы и методы формальной логики. Недостатки и проблемности юридической техники выявляются и устраняются посредством таких логических категорий как «суждение» (простое, сложное), умозаключение (де-

дуктивное, индуктивное, традуктивное), основных логических законов (тождество, непротиворечия, исключённого третьего и достаточного основания). Для юриста-практика, особенно квалифицирующего те или иные противоправные деяния, безусловно важными являются понимание и формулирование правовых дефиниций, аргументация при вынесении конкретного решения по делу, возможность опровержения ложных или бездоказательных аргументов, фактов, событий и др.

Кроме того, особенностями преподавания логико-методологических дисциплин являются системность и последовательность в усвоении материала и, далее, применения в учебном процессе всей совокупности законов логики необходимых в правоприменении, частичное изучение которых недопустимо. Незнание, например, правил категорического силлогизма может привести к неверной оценке юридического события. Тогда как использование всех принципов логики, включающее в себя основные и неосновные законы, логические операции с понятиями, объединённую классификацию суждений, распределённость терминов в них, а также таблиц истинности и ложности в сложных высказываниях, позволят юристу максимально обоснованно и в соответствии с законодательством, квалифицировать содеянное и принять истинно верное правовое решение.

Познание сложных социально-правовых феноменов сопряжено с использованием диалектической логики во всём многообразии её интерпретаций. Хотя и здесь, в особенности в эмпирической части исследований, требуются знания формальной логики [11, с. 197-199]. Так или иначе, методология научных правовых исследований и практической юридической деятельности базируется на знании и использовании логического мышления.

Е.Б. Султанов, зав. кафедрой конституционного и административного права Казанского федерального университета, канд. юрид. наук, доц., представил доклад на тему *«Конституционализация принципов организации и деятельности органов публичной власти»*. Органы государственной власти и органы местного самоуправления как органы публичной власти обязаны в своей деятельности соблюдать Конституцию Российской Федерации.

Богатство идей, заложенных в Конституцию РФ, позволяет уверенно констатировать, что гносеологические, аксиологические и телеологические основы развития российского общества и государства имеют свои источники в Конституции РФ. Эти философско-правовые основы Конституции РФ определяют или должны определять деятельность органов публичной власти. В частности, органам публичной власти ещё предстоит освоить главную конституционную идею, что человек, его права и свободы являются

высшей ценностью.

Конституция РФ выступает не только философско-правовой основой деятельности органов публичной власти, но и их нормативной правовой основой. Более того в практической деятельности органов публичной власти на первый план выходит освоение государственными и муниципальными служащими юридического содержания норм Конституции РФ.

Именно здесь возникает проблема духа или над-позитивного свойства Конституции РФ, которые не всегда имеют свое текстуальное закрепление.

Огромное значение в освоении скрытых смыслов конституционного текста имеет деятельность Конституционного Суда РФ.

Принципы организации и деятельности органов публичной власти определяют эффективность их деятельности. Народовластие как один из главных принципов организации и деятельности органов публичной власти конкретизируется в системе конституционных принципов. Ряд этих принципов имеют своё текстуальное закрепление в Конституции РФ. Однако есть конституционные принципы, которые используются в практике деятельности органов публичной власти, но они не имеют прямого законодательного закрепления.

Примером таких принципов являются информационная открытость или гласность деятельности органов публичной власти. К принципам, конституционализация которых ещё предстоит, относятся также принципы организационной открытости и подконтрольности органов публичной власти.

А.В. Солдатова, доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. юрид. наук, в своем докладе, посвященном теме *«Конституция как основа социальной политики государства»*, обратила внимание на то, что актуальной юридической характеристикой Конституции России является закрепление в ней прав и свобод человека и гражданина, в том числе социально-экономических. В связи с чем, именно Основной закон страны должен выступать в качестве фундамента социальной политики государства. В условиях построения правового и социального государства, данная составная часть внутренней политики государства выступает одним из основных инструментов реализации важнейших социально-экономических прав граждан, прежде всего, права на уровень и качество жизни, необходимые для нормального воспроизводства и развития личности. Учитывая специфику прав человека второго поколения, заключающуюся в невозможности их воплощения в жизнь без детализации в отраслевом законодательстве, особое значение приобретает принцип прямого действия конституционных норм, который, как представляется, должен дополнить

систему принципов социальной политики.

К сожалению, бесспорна прямая зависимость полноты содержания социальной функции государства от уровня экономического развития общества [12, с. 36-45]. Однако даже такая уважительная причина как состояние экономики не может служить оправданием неисполнения государством обязанностей, корреспондирующих конституционным социально-экономическим правам граждан. Напротив, данное обстоятельство должно способствовать активизации работы по совершенствованию социальной политики государства, основным содержанием которой должно стать не только закрепление прав социально-незащищенных субъектов, но и их реальное обеспечение и защита ввиду прямого действия норм Конституции.

Л.Д. Чулюкин, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук, в докладе на тему *«Правотворчество, правореализация и юридический процесс»* разъяснил, что сущность всякого объекта, в данном случае юридического процесс, представляет собой систему признаков, придающих ему качественную определенность.

Юридический процесс характеризуется следующими признаками.

1. Юридический процесс - это прежде всего особый вид человеческой деятельности и, как таковой, всегда несет в себе субъективный элемент, включая возможность извинительных ошибок.

2. Юридический процесс всегда строго правовая деятельность, лежащая в плоскости публично-правового (по преимуществу) регулирования.

3. Юридический процесс есть деятельность строго определенного в законе круга субъектов. В каждом конкретном виде процесса перечень его участников является исчерпывающим.

4. Юридический процесс структурирован, стадийен. Стадии процесса представляют собой относительно самостоятельные, но при этом закономерно взаимосвязанные этапы процессуальной деятельности, образующие в своей системе тот или иной вид юридического процесса.

5. Юридический процесс имеет четко выраженные цели, как идеальный образ ожидаемого результата.

Юридический процесс включает в себя:

а) создание правовой нормы (правотворческий процесс);

б) обеспечение реализации уже действующих норм материального права (правореализационный процесс).

Следовательно, юридический процесс это публично-правовая, законодательно структурированная (ста-

дийная) деятельность уполномоченных, управомоченных или обязанных на то субъектов по созданию правовых норм, а также по обеспечению реализации действующих норм материального права.

Е.П. Шляхтин, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России, полковник полиции, в докладе на тему *«Негативное влияние противоправных проявлений экстремизма и коррупции на обеспечении безопасности общества и государства»* отметил, что за два с небольшим десятилетия существования российского государства сформировался комплекс политических, этнических, религиозных, социальных и иных проблем, многие из которых обусловлены как последствиями отсутствия какой-либо целенаправленной и системной идеологической работы в 90-е года XX в. в преобразовавшейся Российской Федерации, так и новыми вызовами, имеющими общемировой характер (деятельность международных террористических организаций, нелегальная миграция, сложности с интеграцией и адаптацией новых миграционных потоков и др.). На этом фоне возникли обострения национально-религиозных и межэтнических отношениях, которые стали перерастать в насильственные действия, в связи с чем возникли различные организации и сообщества экстремистской направленности, в том числе использующие разнообразные коррупционные схемы для обеспечения своего функционирования.

Например, влияние «бытовой коррупции» на возможность совершения терактов, как показывает практика, явилось одним из условий совершения в августе - сентябре 1999 г. ряда резонансных терактов, связанных с подрывом жилых домов, либо совершенных в культурно-зрелищных и иных местах с массовым пребыванием граждан. Преступники смогли свободно доставить к ним взрывчатые вещества, передавая взятки сотрудникам правоохранительных и контролирующих органов за беспрепятственный проезд своего транспорта.

Одной из важнейших задач российского государства и его гражданского общества является борьба с коррупцией, пресечение фактов взяточничества и коммерческого подкупа. В январе-октябре 2016 г. выявлено больше 5 тыс. преступлений по ст. 290 "Получение взятки" УК РФ, в том числе 676 - совершенных в крупном или особо крупном размере. Из 1,7 тыс. коррупционеров свыше 94% привлечены к уголовной ответственности. Задokumentировано 1,2 тыс. фактов коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ). Выявлено 637 лиц, совершивших данные преступления, из которых 367 - привлечено к уголовной ответственности [13].

Успех противодействия преступности, в том числе не только разнообразным проявлениям экстремизма и терро-

ризма, но и коррупции, может быть достигнут только в случае совместного, заинтересованного участия всех ветвей власти, органов самоуправления, образовательных учреждений, правоохранительных структур, представителей средств массовой информации, религиозных деятелей различных конфессий, а так же всего гражданского общества в целом [14].

Г.Р. Валиева, доцент кафедры управления СХП Казанского государственного аграрного университета, канд. экон. наук, выступила с докладом на тему **«Конституционные основы новых моделей управления»**, в котором отметила, что в соответствии со ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Согласно ст. 44 Основного Закона каждому гарантируется свобода научного, технического и иных видов творчества.

Творческое начало сегодня как никогда востребовано в сфере управления, в которой используемые сегодня организационные модели управления не отличаются новизной и актуальностью. По мнению известного бизнес-тренера Фредерика Лалу (*«Открывая организации будущего»* 2016), для развития организации необходимо прохождение пяти стадий: красной, янтарной, оранжевой, зелёной и бирюзовой. Каждая предполагает особую модель управления и правового регулирования.

Такая эволюционная парадигма бизнеса XXI в. появилась в ответ на запросы общества. Покупатель не желает получать простой товар или услугу, он хочет видеть за ними добавленную стоимость, дополнительный смысл, пережить положительную эмоцию. Компаниям важно давать дополнительный шанс и клиентам, и сотрудникам, строить соответствующую корпоративную культуру. Одни организации это уже поняли, другие на стадии осознания, к третьим оно придёт позже. Всем организациям различных форм собственности важно понять одно: «Эволюционируй – или вымрешь», – как сказал Герман Греф.

Безусловно, создать единый «живой организм» под силу не каждому предпринимателю, не каждой компании. Основными принципами работы, например, «бирюзовых компаний» являются доверие, ответственность, саморазвитие и мотивация сотрудников, а также должное правовое обеспечение их деятельности.

«Живая компания» – саморегулирующаяся, в ней важен каждый. Основа сотрудничества – высокий уровень доверия между членами команды. Это важно в свете того, что в «бирюзовой компании» решения делегируются на оперативный уровень – тем, кто обслуживает клиента. Ведь они видят рынок как никто другой. А если проблемы пере-

даются выше по иерархической лестнице, то на каждой ступени теряется связь с экономико-правовой реальностью.

При создании подобной системы важна ответственность, в том числе юридическая. Если человеку предоставляют определенный масштаб свободы, он должен быть надёжным партнером, образованным в правовом смысле.

Очень важным является подбор персонала, который станет командой «живой» организации, в которую придут близкие по духу люди. Большое внимание необходимо уделять личностным характеристикам сотрудников. Важно отметить, что 2% времени, инвестированные в подбор правильных сотрудников, сэкономят потом 98% времени, которое могло бы быть потрачено на исправление ситуации. Следовательно, необходима правовая кадровая политика.

Сегодня сложно привести примеры российских компаний, которые можно смело отнести к «живым». Как правило, у нас организации имеют определённую иерархию, определённый шаблон управления. «Бюрозовые компании» актуальны для России как никогда раньше. Внутренние желания людей, умноженные на изменения понимания бизнеса в обществе, станут основой корпоративной правовой селекции. Везде, где есть креатив, творчество и раскрепощаются человеческие таланты, появляется больше свободы и добавленной стоимости, а значит, и большей становится доля рынка, больше финансовых возможностей и у компаний и у государства, получающего законодательно установленные налоги.

Сегодня самой главной идеей экономического и бизнес сообщества является создание моделей управления, позволяющих оставаться на плаву, так как основа конкурентоспособности сегодня – это не производство какого-то товара, продукта, а способность с завидной регулярностью поставлять этот продукт на рынок. Конкуренция становится всеобщей – и она глобальна, в связи с чем, требует обновления отечественной законодательной сферы.

Безусловно, все перечисленные нами новейшие и креативные модели управления должны быть урегулированы современным гражданским законодательством в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации.

К.А. Лягин, ассистент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университета управления «ТИСБИ», выступил с темой **«Конституционные основы современной правоприменительной политики»**. Правоприменительная политика является одним из основных направлений современной российской правовой политики, а значит, соответственно, опосредует и реализует все основные задачи последней. Кроме того ей присущ и целый ряд собственных характеристик, которые отражают ее особое место в системе правоприменения государственно-правовых стратегий.

Основой современной правоприменительной политики и всех ее стратегий и тактик выступает Конституция РФ, провозгласившая Россию правовым и социальным государством. Она закрепляет основные политические, социальные, экономические и культурные права личности, а также гарантии их реализации.

Одним из актуальных направлений российской правовой политики является антикоррупционная правовая политика [15, с. 11-19], реализация которой должна происходить строго в соответствии с Конституцией РФ, не допуская нарушений конституционных прав и свобод человека, зафиксированных в статьях: 50 (никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление); 51 (никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом); 52 (права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом); 53 (каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц), а также в других нормах Основного Закона.

Таким образом, именно Конституция РФ позволяет формулировать основные конституционные принципы стратегий правоприменительной политики.

В своем выступлении **Л.В. Юн, ассистент кафедры конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ»**, рассмотрела проблемы *«Конституционного правосознания в правовом государстве»*. В юридической литературе под правосознанием понимается сложное, социальное явление, имеющее разные основания (формы) проявления. Одной из таких форм является конституционное правосознание. Конституционное правосознание является высшей формой правового сознания, отражающего отношение индивида, коллектива, общества в целом как к положениям Основного Закона и других действующих нормативно-правовых актов, к практике их реализации, а также к желаемым изменениям конституционно – правовых институтов, реализации и конституционных ценностей. В этом качестве конституционное правосознание составляет основу для формирования и функционирования всех других форм правового сознания.

В своем выступлении на торжественном собрании палат Федерального Собрания РФ, посвященном 20-летию Конституции РФ, Президент России РФ В.В. Путин отметил, что «Конституция РФ, провозгласив высочайший статус прав и свобод граждан, ценности федерализма и сильного государства, стала надежным фундаментом для развития страны. Дальнейшее раскрытие громадного потенциала Конституции прямо зависит от эффективности правотвор-

ческой деятельности на всех уровнях» [16].

Конституция РФ 1993 г. возвела на высший нормативный уровень новые правовые принципы, идеи, цели и задачи общественного и государственного развития. Она признала за собой общедемократические и общечеловеческие ценности современного конституционализма и на этой основе внесла принципиальные изменения как в правовую систему государства, в целом, так и в конституционные институты, закрепляющие правовое положение личности, соблюдение и защиту ее прав и свобод и др. Все это естественным образом предполагает изменение и обновление под воздействием Конституции фундаментальных государственно – правовых идей и принципов, образующих в своей совокупности конституционное правосознание как важный показатель достигнутого уровня правовой и демократической культуры российского общества [17, с. 46-55].

Р.Р. Рахматуллин, аспирант кафедры теории и истории государства и права УВО «Университета управления «ТИСБИ», выступил с темой *«Конституционные основы правовой экономической политики»*. Как известно, согласно ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Даная статья содержит конституционные принципы, являющиеся фундаментом экономического строя Российской Федерации. Государство устанавливает его общие принципы, гарантирует главенство данных принципов при выстраивании правового регулирования экономики государства. Являясь тесно связанными с принципами социального государства, данные принципы также становятся конституционно-правовой основой экономики правового государства.

Законодательное регулирование экономической политики в правовом и социальном государстве, безусловно, должно выстраиваться на основании вышесказанных конституционных принципов. Однако необходимо также учитывать приоритетность социальной ориентированности Российской Федерации, основные цели которой закреплены в ст. 7 и перечислены в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ.

В силу ст. 7 Конституции признание Российской Федерации социальным государством означает, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Следовательно, правовое регулирование экономической политики в государстве должно выстраиваться не только на общепризнанных принципах экономического строя, но и также, в условиях демократии, оно должно быть ориентировано на защиту благ всех граждан, на обеспечение гражда-

нам достойного уровня жизни, гарантированность прожиточного минимума и т.д.

Игнорирование задач социального государства при выстраивании экономической политики государства может привести к ухудшению общего благосостояния российского общества. К примеру, недостаточное внимание государства к целям по охране труда и достойной оплате при построении правовой экономической политики, может привести к существенному увеличению такого неблагоприятного явления, как ведение неофициальной трудовой деятельности гражданами, а также получение «серых» заработных плат, неуплате налогов и т.д.

Актуальные проблемы данных направлений госу-

дарственной политики, также нашли свое отражение в работе Р.Ф. Степаненко «Общеправовая теория маргинальности», где в качестве примера приводится противоречащее Конституции РФ соотношение размеров минимальной оплаты труда (МРОТ) и величины прожиточного минимума. Автор останавливает внимание на том, что размер МРОТ значительно меньше величины прожиточного минимума, что изначально означает невозможность проживания на данную зарплату в условиях законодательно установленного прожиточного минимума [18, с. 43-53]. Такая политика государства не может считаться правовой, в силу противоречий и несоответствия постановлений Правительства РФ Конституции РФ.

Библиография:

1. Погодин А.В. Структура правореализации, ее субъекты и системообразующие факторы / А.В. Погодин // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 50-53.
2. Погодин А.В. Правосознание субъекта как системообразующий фактор правореализации / А.В. Погодин // История государства и права. – 2013. – №21. – С. 42-46.
3. Степаненко Р.Ф. Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности. // Государство и право. №5, 2016. – С. 35-46
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. Изд. 2-ое, изм. и доп. – М.: Издательская группа НОРМА, М., 1999.
5. Степаненко Р.Ф. Понятие, основные виды и направления правовой политики в сфере правового регулирования процессов маргинализации / Р.Ф. Степаненко // Право и политика. – 2014. - №4. – С. 493-504.
6. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теории маргинальности: основные подходы и цели / Степаненко Р.Ф. // Государство и право. – 2015. - № 5. – С. 30-39.
7. Дистанционное оплодотворение из Бутырки: откровения заключенного пожизненно. <http://www.mk.ru/social/interview/2014/02/17/985787-distantionnoe-oplodotvorenije-iz-butyрки-otkroveniya-zaklyuchennogo-pozhiznenno.html>
8. Российская газета. 2012. № 303. 31 дек.
9. Klitgaard R.E. Controlling Corruption. Berkeley, CA: University of California Press. 1991. P. 70.
10. Ромашов Р.А. Современный конституционализм (теоретико-правовой анализ): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Санкт-Петербург, 1998.
11. Степаненко Г.Н., Степаненко Р.Ф. Социально-философские проблемы общеправовой теории маргинальности // Казанская наука. 2012. № 4. С. 197-199.
12. Бакулина Л.Т. Социальное государство: от конституционной модели к практике реализации. // В сборнике: Социальное государство и основные направления современной российской правовой политики Материалы Круглого стола юридического факультета НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ». 2014. С. 36-45.
13. Интернет-ресурс МВД по Республике Татарстан // URL: <http://mvd.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/799012.htm> (Дата обращения: 09.12.2016).
14. Степаненко Р.Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение. Монография. / Р.Ф. Степаненко. – Казань: Казанский государственный университет, 2008. – 250 с.
15. Рыбаков О.Ю. Антикоррупционная правовая политика / Мониторинг правоприменения №1 (18). - Москва, 2016. - С. 11-19.
16. Путин В.В. Конституция стала надежным фундаментом для развития страны // Московский комсомолец. —2014. — 6 февр.
17. Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности / Р.Ф. Степаненко // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2013. – Т.155, кн. 4. – С. 46-55.
18. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности о проблеме правового регулирования социально-экономических отношений / Р.Ф. Степаненко // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2014. – Т. 156, кн. 4. – С. 43-53.